

Он полагал, что Юн Цзинь, поддавшись внезапному порыву, собирается надеть на него какую-то безделушку на руку, но оказалось, что это было нечто, что вешается на шиколотку. Коричневатая плетёная верёвка с изумрудной бусиной, холодной на ощупь, покачивалась на его лодыжке. Глядя на эту вещицу, он вдруг почувствовал, будто большая змея превратилась в маленькую и обвилась вокруг его ноги.

Это был тот же стиль, что и у длинного кнута, только предназначение другое. Когда деревянные сандалии снова оказались на его ногах, он благоразумно убрал ногу с коленей Юн Цзиня. Тот любил чистоту, и он боялся, что грязь с сандалий испачкает брюки костюма, из-за чего его снова могут ущипнуть за щеку. У этого человека был скверный характер, и его лучше не злить.

Спокойно вернувшись на своё место, оба они стали вести себя сдержанно, сохраняя между собой дистанцию. Никто бы не подумал, что совсем недавно один сидел на коленях у другого, а их взгляды переплетались, словно крючки. Адъютант Чэнь за рулём, глядя в зеркало заднего вида, чувствовал, что атмосфера в машине была крайне напряжённой.

Машина покачивалась, пока не остановилась у входа в Грушевый сад. Небо ещё не прояснилось, и адъютант Чэнь раскрыл зонт, чтобы встретить Юн Цзиня. Чжоу Цзюнь хотел сам открыть зонт, но Юн Цзинь, держа зонт, поманил его рукой, приглашая подойти. Чжоу Цзюнь почувствовал неловкость, но, колеблясь, услышал, как Юн Цзинь позвал его:

— Господин Чжоу, подойдите.

Не в силах сопротивляться, он укрылся под зонтом Юн Цзиня, принеся с собой прохладу дождя. Юн Цзинь не сделал ничего намекающего на интимность, сохраняя разумную дистанцию, лишь слегка наклонив край зонта в его сторону. В театре, к их удивлению, было мало людей. Они вошли в ложу, но представление ещё не началось. Едва они сели, как подошёл слуга и начал шептаться с адъютантом Чэнем.

Адъютант Чэнь быстро передал информацию, и Юн Цзинь, сохраняя невозмутимость, кивнул и вышел из ложи. Чжоу Цзюнь сидел за столом, пил чай, а на столе были разложены фрукты. Чайная чашка была из сине-белого фарфора, и он, держа её в руках, наслаждался её изяществом. Он всегда любил такие вещи, находил их прекрасными. Поставив чашку, он почувствовал, что выпил слишком много, и живот начал ныть.

Он встал, чтобы выйти из ложи, но адъютант Чэнь остановил его. Чжоу Цзюнь вежливо объяснил, что ему нужно в туалет, и адъютант Чэнь вызвал слугу, чтобы тот проводил его. Чжоу Цзюнь был недоволен, но не стал показывать это. Вернувшись, он велел слуге не следовать за ним. Он был гостем, а не заключённым.

Однако по пути обратно он заблудился, словно это было предначертано судьбой, что в тот день он должен был оказаться перед той комнатой. Му Лицин, звезда Грушевого сада, был известен своим мастерством и красотой, покоря сердца многих. Его слава дошла даже до газет, и Чжоу Цзюнь, конечно, знал о таком человеке. За известными актёрами всегда стояли влиятельные покровители.

Чжоу Цзюнь и представить себе не мог, что одним из них был Юн Цзинь. Резные деревянные окна комнаты были украшены с большим вкусом. Видимо, популярность Му Лицина обеспечивала ему хорошие условия, и его гримёрная была обставлена с изысканностью. Рядом с комнатой росла груша, и её белые лепестки, опадая, покрывали землю. Внутри комнаты Су Сань, исполнительница роли в «Нефритовом зале весны», ещё не нанесла грим, её длинные

волосы, как шёлк, лежали на груди.

Му Лицин держал в руке веер, прикрывая им половину лица. Рукав его красного театрального костюма был слегка подвернут, обнажая белую и мягкую руку с тонкими пальцами, кончики которых были окрашены в красный. Казалось, он только что закончил петь, его голос был мелодичным и чарующим, и даже на расстоянии, через коридор, Чжоу Цзюнь почувствовал, как уши наполнились сладостным звуком.

Желая насладиться зрелищем, Чжоу Цзюнь смотрел открыто. Он вытер красную деревянную перила коридора, приподнял полу халата и сел на них. Однако деревянные сандалии снова подвели — они соскользнули с его ног и упали на пол, издав звук, словно аккомпанемент для быстрого ритма Су Сань. Звук был настолько резким, что прервал нежный взгляд, которым обменялись двое в комнате.

Чжоу Цзюнь, держа полу халата, с лёгким смущением посмотрел в комнату. Генерал-майор Юн с его острым слухом уже стоял у окна, глядя на него.

Он думал, бежать или нет, но он не сделал ничего плохого, зачем ему бежать? Поэтому, улыбнувшись сквозь грушевые лепестки, он спустил одну ногу на землю, вытянув её в поисках сандалии. Наступив на лепестки, он слегка придавил их и решил уйти. Представление закончилось, и пора было уходить. Юн Цзинь пришёл навестить свою возлюбленную, а зачем он взял его с собой?

Хотел увидеть ревность? Слишком самонадеянно.

Он забыл, что заблудился, и, кружась, снова вернулся в ложу. Юн Цзинь уже сидел за столом, держа в руках открытые карманные часы, тикающие с каждым мгновением. Рядом с его рукавом лежали оставшиеся скорлупки от арахиса, которые чистил Чжоу Цзюнь, а чуть дальше лежала та самая бусина. Непонятно почему, но Чжоу Цзюнь остановился на пороге.

Адъютант Чэнь, заметив его, быстро подошёл и пригласил сесть. Чжоу Цзюнь, не спеша, направился к столу, его шаги были медленными и нерешительными, словно он делал это с огромной неохотой. Когда он приблизился, Юн Цзинь поднял руку, и его гладкая ладонь взяла правую руку Чжоу Цзюня.

Шаги стали быстрее, возможно, из-за того, что его тянули, они быстро стучали по полу, как звуки открывающегося занавеса. Он сел на своё место, но это было не его место. Он оказался вплотную к Юн Цзиню, их рукава и плеча соприкасались. На сцене звучали барабаны и гонги, и вот-вот должен был начаться спектакль.

Чжоу Цзюнь сначала сидел прямо, но в этом театре стулья были без спинок, и он постепенно начал наклоняться. Когда на сцене появилась Су Сань в красном платье, с блестящими украшениями в волосах, Чжоу Цзюнь уже наполовину лежал на столе, скрестив ноги, словно не мог сидеть прямо, и щёлкал семечки.

Теперь он далеко отошёл от образа изысканного и холодного аристократа, щёлкая семечки с громким звуком. Его взгляд то останавливался на Су Сань, то возвращался к Юн Цзиню. В голове, казалось, было множество мыслей, но он мог поделиться ими только с самим собой.

Видимо, его прямой взгляд разозлил генерал-майора, и он схватил его за подбородок, перетащив со стола к себе на колени. Су Сань на сцене, в цепях, начала петь с глубокой печалью, рассказывая о своих страданиях. Чжоу Цзюнь с кусочком скорлупки на нижней губе оказался в объятиях Юн Цзиня.

Тонкая скорлупка прилипла к его мягкой губе, и Юн Цзинь долго смотрел на него, прежде чем большим пальцем снять её. Губа, слегка прижатая, побелела. Цвет всё ещё был приятным, но Юн Цзинь с лёгким отвращением сказал:

— Грязно.

Лицо Чжоу Цзюня покраснело от стыда и раздражения. Его брови, щёки и скулы словно покрылись румянцем, и серо-голубые глаза, смешавшись с тёплыми оттенками, стали милыми и привлекательными, как шоколадка в голубой обёртке. Он вырвался из объятий Юн Цзиня, быстро выпил чашку чая и, нахмурившись, сказал:

— Здесь еда не очень, но эти сливочные семечки довольно хороши.

На сцене Су Сань, исполняя «Нефритовый зал весны», с тоской смотрела из тюрьмы, её глаза и руки двигались, явно обращаясь к кому-то. К сожалению, красавица была полна чувств, но оба господина оставались равнодушными. Му Лицин видел, как один из них обернулся и что-то сказал, и его господин Юн наклонился вперёд. Они были так близко, что казалось, будто они поцеловались.

Му Лицин был взволнован и чуть не сбился с текста. Он заставил себя не смотреть в ту сторону, сохраняя спокойный голос и продолжая представление.

Они поцеловались? Нет, они просто были очень близко, настолько, что любому показалось бы, что это так. Юн Цзинь просто держал кусочек белого пирожного, поднося его ко рту Чжоу Цзюня. Поза была близкой, намекающей на интимность. Крошки пирожного упали на уголок рта Чжоу Цзюня, и сладкий вкус наполнил его рот. Он облизал крошки, а длинные ресницы опустились.

Ресницы, приятной длины, мягко дрожали, и Юн Цзинь снова наклонился вперёд, словно дразня, подул на его веки. Ресницы затрепетали ещё сильнее, и он закрыл глаза, а затем снова открыл их. Как будто только сейчас заметив, что они слишком близко, он посмотрел в глаза Юн Цзиню, их губы разделяло лишь расстояние в кусочек пирожного, и стоило лишь немного наклониться, чтобы губы встретились.

Но Юн Цзинь медленно отодвинулся, и тепло, исходившее от него, постепенно исчезло. В душе Чжоу Цзюня образовалась пустота, мысли закружились, и он едва не бросился вперёд, чтобы не упустить момент, но это было бы позорно.

Словно не замечая его замешательства, Юн Цзинь достал откуда-то новый платок и вытер рот Чжоу Цзюня. С улыбкой он сказал:

— Тебе стоит носить с собой больше платков, чтобы вытирать рот.

Чжоу Цзюнь позволил ему вытереть рот и лишь затем сказал:

— Это ты плохо кормишь, нужно больше практиковаться.

Представление закончилось под аплодисменты, и Чжоу Цзюнь был сыт до отказа, его рот был полон сладкого вкуса. Видимо, в ответ на его слова о практике, Юн Цзинь то кормил его арахисом, то сладкими пирожными, чуть ли не заливая чаем. И всё это генерал делал без женских ласк и мягкости, словно выполнял задание, и Чжоу Цзюнь был вынужден есть.

К концу это уже не было удовольствием, а настоящей пыткой. Он сжал губы, отвернулся, глаза

говорили о нежелании, он не хотел есть, не хотел, чтобы его кормили. В суматохе Му Лицин, переодетый в простое платье, появился у двери ложи и тихо спросил адъютанта Чэня. Юн Цзинь убрал руку и громко пригласил его войти.

<http://bllate.org/book/16825/1547237>